

02.08.2024

Гедиминас Таранда: «Провалов не было, были смешные ситуации»

«Имперский русский балет», который сегодня знают во всем мире, в далёком 1994 году создал известный российский танцовщик и театральный продюсер Гедиминас Таранда. В интервью BM. Moscow Foresight мастер рассказал о своём нелегком пути к успеху, об учителях и партнёрах и незабываемых встречах с великими русскими артистами.

— Вы ведь из военной семьи — ваш отец Леонас Таранда, по происхождению литовец, был офицером Советской армии...

— Расскажу такую историю. Мы тогда жили в Калининграде. Отец возглавлял батальон разведки в танковой части. Однажды я, пятилетний Таранда, стоял в строю и смотрел, как отец учит солдат ложиться под танк, потом выныривать из-под него и кидать учебную гранату. Военнослужащие — все молодые мальчишки, им было страшновато лезть под гусеницы. Вдруг отец скомандовал: «Таранда, выйти из строя!» Он взял меня за руку, мы легли под танк, который проехал над нами, после чего встали и кинули гранату. Для меня это была игра! Но после нас молодые солдаты смело ложились под танк, выполняя приказ командира. Это повторялось не один раз. Но когда это увидела мама, она схватила палку и погналась за отцом по плацу, приговаривая: «Иди сюда!» А отец уже был в звании капитана. Помню, он бежит и кричит: «Галя, опомнись! Солдаты смотрят, я же командир!» «Я тебе покажу “командир”»! — грозила мама. Тем не

менее, солдаты отца любили. И, видимо, мне передалось его отношение к ним. Сейчас-то я понимаю, что подчинённый должен, прежде всего, тебя уважать, а не бояться. Когда я сам стал командиром, который возглавляет «балетный полк», я часто вспоминал уроки отца.

— Вы как-то сказали, что в детстве ваш тренер по греко-римской борьбе, Александр Иванович Батищев, научил вас самому главному — падать и вставать. В жизни это пригодилось?

— Борьба дала чёткое понимание: как бы ты ни падал, твоя задача — подняться! Опять тебя швырнут на землю, ты снова должен встать на ноги и продолжить схватку. Любимый тренер таким, как я, привил «настырность победителя», укрепил ребячьи характеры. Моё увольнение из Большого театра в 1993 году стало настоящим «падением», после которого подняться было очень тяжело. В Большом театре к 1991 году сложилась очень сложная обстановка, где практически не существовало жесткой вертикали власти. Хотя бал правил гениальный балетмейстер Юрий Николаевич Григорович, который к началу 1990-х уволил из театра целую плеяду «достигших пенсионного возраста» звёзд, в числе которых — Марис Лиепа, Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Майя Плисецкая. Им на смену пришёл так называемый «молодой балет», которому покровительствовал Григорович.

— Вы уже тогда серьёзно занялись продюсированием балетной труппы?

— Да, я возил Большой театр в Австралию, Германию, Грецию. Многих чиновников от искусства это сильно раздражало: «Кто сделал? Ах, Таранда сделал! А ведь был невыездной, а сейчас выездной, да ещё, понимаешь, захватывает власть в театре!» А я ничего не захватывал, просто предлагал новые пути популяризации русского искусства за рубежом. Кроме того, давал артистам возможность заработать, чтобы кормить свои семьи.

Настал момент, когда «хозяин» театра Григорович вдруг заинтересовался: кто же это без его ведома посмел зарубежные гастроли организовывать. «Почему этим Таранда занимается!» — негодовал балетмейстер. Сразу хочу оговориться: дорогу на сцену Большого театра в самом начале творческого пути мне дал именно Григорович. После выпускных экзаменов в Московском академическом хореографическом училище я получил приглашение от Юрия Николаевича. Он сказал: «Всё, этого парня беру!» Потом я работал в его легендарных спектаклях «Золотой век», «Раймонда» и многих других, где мастер доверил мне главные роли.

В 1993-м мы поехали в Лондон. Сидим с Юрием Николаевичем, он говорит: «Гедиминас, как будем работать?» «Я, — отвечаю, — всегда готов работать в вашей команде. Но вы знаете, что я теперь продюсированием занимаюсь. Я могу организовать любые выступления Большого театра за рубежом». В конце концов, Григорович сказал: «Гедиминас, ты – просто артист, мы с тобой работаем дальше. А если будешь продолжать в том же ключе — возить театр туда-сюда, — нам придётся с тобой расстаться. Так что, думай». Я отказался подчиниться и был вскоре со скандалом уволен.

— Вас тогда объявили чуть ли не диверсантом, который пытался сорвать премьеру!

— Со мной, мягко говоря, поступили неинтеллигентно, подло. В тот вечер шёл генеральный прогон балета «Корсар», где я должен был танцевать ведущую роль, хотя, заметьте, уже находился в немилости у руководства театра. Только я зашёл в гримерку, переоделся, меня вызывает заведующий труппой и говорит: «Таранда, вы сегодня не танцуете! Вы вообще больше не танцуете — вы уволены!» И это перед самой премьерой, буквально за день! Я был совершенно выбит из колеи, обезоружен. И вдруг, помню, что-то такое авантюристическое щёлкнуло внутри: успел только сказать брату, стоявшему рядом: «Я пошёл. Спину прикрой!» Вышел в зал. Публика в недоумении, потому что в программке сказано: танцует Таранда. А Таранда в цивильном костюме — на сцене. Дирижер поднял руки и опустил… Обращаясь к залу, я сказал: «Дорогие друзья, хочу заявить, что в Большом театре правят чиновники, а мы, артисты, как были, так и остались для них — ничем! Я благодарю всех пожарных, всех гримеров, оркестр, дирижёра, билетёров за то, что мы

были вместе все эти годы, за то, что мы создали прекрасный спектакль. И, конечно, я благодарю вас, зрители, потому что, если бы не вы, театра нашего в принципе не было бы. Поэтому низко кланяюсь вам и говорю: прощайте!»

— В зале — гробовая тишина?

— Напротив, поднялся страшный шум, крики: «Что он говорит?! Позовите администрацию!» Вызвали охрану и потребовали: «Выведите Таранду!» Охранники, хорошо зная меня, отказались применить силу. Спектакль тогда задержали на 20-30 минут…

— Но вы же сами добивались скандала?

— Да нет, это была эмоциональная реакция на неуважительное отношение к артисту. Администрация, кстати, трактовала мой поступок как прямой призыв Таранды к бунту. **(Смеётся).**

Я сказал всё, что хотел, и самостоятельно покинул зал Большого театра. Но потом ещё лет пять, когда я приходил на спектакли, подходил кто-нибудь из администрации и спрашивал: «Гедиминас, ты ничего не выкинешь на этот раз?»

Сейчас, конечно, такого уже нет, время прошло. А через год после моего увольнения театр со скандалом покинул Юрий Григорович. Напоследок он заявил: «Порог Большого не переступлю!» Поддерживавшая его часть труппы устроила первую в истории театра забастовку: артисты вышли на сцену и объявили зрителям, что спектакля «Ромео и Джульетты» в знак протеста отменяется!

— После того, как Григорович ушел, вы не захотели вернуться в Большой. Почему?

— Ко мне обращались профсоюзы: «Гедиминас, мы сейчас тебя через суд восстановим, у тебя грамоты, заслуги, ты должен вернуться в Большой!» А я тогда уже открыл свой театр — «Имперский русский балет». Перед первой премьерой я собрал артистов, которым сказал: «Мы идём завоёвывать мир!»

— Правда ли, что с детства вы мечтали заниматься народными танцами, а не балетом?

— Мои родители развелись, и мы с мамой переехали в её родной Воронеж. Она устроилась работать бухгалтером в местный оперный театр. Я часто приходил к ней на работу и смотрел оперы, оперетты, балеты. Но балет мне категорически не нравился: мальчики бегают по сцене в чулочках! Опера тоже не впечатлила. А вот оперетта мне очень нравилась.

Я ходил на борьбу, а ребята со двора занимались хореографией и могли бесплатно смотреть кино. Я же должен был выпрашивать 25 копеек у бабушки или мамы, чтобы вечером пойти вместе с ними. В конце концов, дружки сказали: «Зачем тебе это надо? Пойдем, посмотришь, что такое хореография, поступишь, и будем вместе ходить в кино». Благодаря этим бесплатным билетам я и попал в балет.

Большой балетный зал мне тогда очень понравился — девчонки красивые в юбочках, зеркала, музыка. Короче, не жизнь, а праздник! Меня просматривали какие-то педагоги, которым я, по их просьбе, показал танец «вприсядку». Им понравилось, и они меня взяли. Теперь у меня появилась привилегия — бесплатное кино.

У меня был фантастический педагог Владимир Владимирович Соколов, который по прошествии нескольких лет (мне уже исполнилось 14) сказал: «У тебя есть талант! Поступай в хореографическое училище». Ну, я поступил в Воронежское хореографическое училище. Причём хотел на отделение народных танцев, но на классическом было всего четыре мальчика, и меня приняли на классическое. Я сказал: «Не хочу ваш балет танцевать в ваших чулочках, хочу в ансамбль Моисеева!» Они клятвенно пообещали: «Через год обязательно переведём тебя на народное отделение». Обманули! О Моисееве пришлось забыть…

— Поговаривали, что после спектаклей в Большом театре вы частенько подрабатывали грузчиком на товарных станциях..

— Это продолжалось с 1984 по 1988 год. Прекрасное было время!

— Так это годы вашего творческого расцвета! Зачем же было тратить силы на мешки с картошкой?

— Денег хронически не хватало даже на еду. В Большом театре я получал 100 рублей в месяц, и почти все деньги уходили на оплату съёмной квартиры в Подмосковье. Я просто не понимаю, как мы выживали тогда! Приходишь в театр голодный и вкалываешь как папа Карло. Поэтому решил по ночам подрабатывать грузчиком на разных овощных и рыбных базах — разгружал вагоны. Вагон — это десять рядов коробок весом по 45-46 кг. Берёшь такую коробочку, а она расползается от сырости. Оттуда вылезают замороженные караси. Ты их собираешь по полу, кладешь обратно. До сих пор мороженую рыбу видеть не могу, мне прямо плохо становится! Но самой отвратительной была селедка: бочки стояли высоко, когда падали, вылетала пробка, рассол разливался, въедался в руки. Руки становились жёлтыми и вонючими до такой степени, что, когда я приходил в театр, на репетицию, со мной невозможно было рядом стоять. Этот рассол ничем нельзя было отмыть!

Однажды на базе я напросился в группу к алкашам — хотел понять, как они так ловко управляются на разгрузке. Я — здоровый молодой парень — разгружал где-то треть вагона и от усталости уже еле ноги волочил. А они подходили — руку подставят, потом бедро, колено — и никакой усталости. Это была целая наука! С этими простыми 45-летними мужиками я быстро научился, как надо раскидывать ящики. Но всё равно работа — тяжелейшая! Когда грузчики узнали, что я балетный, у них был шок! Очень помогали они мне.

— По десятке хотя бы за смену платили?

— Мне ещё подкидывали пятерочку, потому что, когда увидели, как я вкалываю, жалели меня: «Молодой, там на складе упали пять ящиков. Надо бы поработать». Один раз пять ящиков поставил, и выдают документ: «Разгрузил 10 тонн в складе».

— Видимо, таскать бочки с селёдкой надоело, и вы, не бросая сцену, устроились в Дом моды, обучать манекенщиц…

— Встретил как-то подругу, она и рекомендовала меня на работу с манекенщицами в ГУМе. Потом я оказался у Славы Зайцева, в Российском Доме моды, в Молодёжном Доме моды. Я показывал девушкам, как они должны ходить, как одеваться, как снимать перчатки, как сидеть, что такое деловая или прогулочная походка, как носить шляпку, как носить это, как носить то. Сейчас уже многие из моих воспитанниц открыли свои частные модельные или театральные агентства. Так что, можно сказать, что я стоял у истоков российского модельного бизнеса. Хотя, конечно, в советское время он был другой. Там работали не 16-17-летние девчонки, как сейчас, а взрослые женщины 26-30 лет, свободно владевшие иностранными языками. Это была очень интересная работа, и она мне очень нравилась.

— Гедиминас, признайтесь, у вас были провалы на сцене?

— Скорее, были смешные ситуации. Я только начинал свою карьеру в Большом театре. Труппа уехала на гастроли. Оставшиеся артисты должны были через неделю давать «Дон Кихота». Я танцевал одного из восьми тореадоров в кордебалете. Скажем, 6 сентября — один «Дон Кихот», 7-го — второй. И вдруг на второй спектакль 7 сентября нет главного тореадора! Исполнитель этой роли заболел, замену ему не нашли. Анатолий Романович Симачёв, мой педагог, подходит ко мне и говорит: «Таранда, твой единственный шанс — завтра танцуешь главного тореадора». Представляете? Это ведущая роль в балете «Дон Кихот»! Ведущая роль через неделю работы в театре! Меня утвердили тореадором, я репетировал с легендарной Людмилой Власовой, 6-го танцую в кордебалете, а 7-го я — тореадор, ведущий танцовщик. Наступает 6-е число. А мне мама подарила шерстянки из козьей шерсти — длинные чулки, которые согревают мышцы ног. Перед началом спектакля я надеваю халат, шерстянки, тореадоровские ботинки на каблуках, завязываю шнурки на два узла. Ветераны торопят: «Таранда, снимай халат, пора выходить на сцену». Я сбрасываю халат, начинаю снимать шерстянки —одну, вторую, а они не снимаются! Они на щиколотке сшиты очень тонко и сквозь ботинок не проходят, потому что там каблук. Я их тяну — ничего не получается!

В это время весь балет выходит на сцену, а я стою за кулисами, потому что шерстянки не снимаются. Ситуация! Стою и плачу. Ко мне подбегают мой педагог, мой костюмер и разрезают эти шерстянки. Всё, я свободен! Но в это время я уже должен быть на другой стороне сцены. Я обегаю ее за кулисами с ножом, с пилоткой набекрень, опаздываю где-то минуты на три. Наконец, я выскочил из-за кулис, поскользнулся и на пятой точке выехал на середину сцены. Встал в позу и прокричал: «Оле!» И стою. Здесь, конечно, все артисты, которые были на сцене, рухнули от смеха — на заднице выехал Таранда, который завтра будет танцевать главного тореадора! Дирижёр уронил палочку и хохотал до потери пульса. Потом наступила пауза, и зал взорвался аплодисментами. После спектакля подходит ко мне заведующий труппой, говорит: «Если б была возможность тебя уволить, уволил бы, но, к сожалению, завтра некому танцевать главного тореадора».

На спектакль пришёл весь театр — оперные певцы, оркестр, даже пожарные. Говорили друг другу: «Вчерашний клоун будет танцевать главного тореадора. Нас ждёт незабываемое зрелище!» Я, конечно, не спал, чего говорить — двух шансов в Большом театре не давали никогда. И вот — выход главного тореадора. Сбрасываю халат, выхожу на сцену, и дальше я уже ничего не видел, не слышал и, честно говоря, не помню. Только свет рампы и восторженные голоса семи тореадоров. Это был мой первый оглушительный успех, после которого ветераны кордебалета подходили ко мне и похлопывали по плечу: «Молодой, молодец! Чтобы через неделю работы тебя принял Большой театр — это дорогого

стоит!»

— Как вы познакомились с Майей Плисецкой?

— Такое не забывается! Буквально через месяц после моего дебюта ко мне подходит Асаф Мессерер и говорит: «Гедиминас, не хотите с Майей Михайловной станцевать “Кармен”? Приходите на репетицию». Это была моя первая встреча с Плисецкой. Она сказала: «Наслышана о том, как вы танцевали». — «Про шерстянки, — уточняю, — или про тореадора?» — «И про то, и про другое».

Она репетировала со мной, как с равным. Это был восторг! И потом я танцевал с ней балет «Кармен». Это случилось через пять месяцев после прихода в Большой театр! Что может быть лучше? О чём ещё может мечтать молодой артист? А на следующий день после премьеры я опять стоял в массовке.

— Созданный вами «Имперский Русский Балет» раньше бесконечно колесил по миру. Выступают ли ваши танцовщики сегодня?

— С февраля 2022 года все границы стран Запада, Японии, Южной Кореи для нас закрылись. Мы почувствовали резкую смену отношения к нам, к России, со стороны местных властей. Хотя тысячи наших поклонников по всему миру продолжают надеяться на перемены к лучшему.

Конечно, остаются, скажем, Мексика, Бразилия, Аргентина. Но у них там у самих не очень хорошая ситуация в финансовом плане. Тем не менее, наш небольшой коллектив, состоящий сегодня из 25 артистов балета, часто гастролирует в Белоруссии и других странах ближнего зарубежья. Сегодня нас с особым интересом ждут в Китае, где на различных площадках мы работаем вот уже 20 лет. Но там мы показываем не только балетные номера, но также делаем большие совместные проекты для детей. Мы посещаем школы, рассказываем о русской культуре, истории, проводим мастер-классы.

Совсем недавно я провёл переговоры с китайскими партнёрами о создании Русско-китайского центра в провинции Сычуань. В огромном комплексе площадью пять тысяч кв. м расположится Академия балета, Академия музыки и живописи.

Кроме того, мы планируем построить такой же культурный центр в Калужской области. По замыслу одного из лучших

архитекторов России Андрея Савина, это будет градостроительное чудо. Не хочу раскрывать всех секретов, но мы считаем, что в нашем культурном центре должен быть сделан акцент на балет и космос.

— А в России, если взять последние полгода, в каких городах выступали артисты вашего театра?

— Сейчас мы очень много ездим по стране: Нижний Новгород, Пенза, Киров, Самара, Саратов, Воронеж, Липецк, Псков и другие города России. Мы, как и прежде, очень востребованы у зрителя. Ведь основу коллектива «Имперского Русского Балета» составляют выпускники ведущих балетных школ России. Репертуар труппы сочетает классические балетные постановки («Дон Кихот», «Кармен», «Лебединое озеро») и современные программы.

— Вы сами танцуете или руководите?

— Я уже давно не танцую — сказываются старые травмы, да возраст не подходящий. **(Смеётся).** Но буквально четыре месяца назад **Фарух Рузиматов, в недавнем прошлом** премьер-ведущий солист балета Мариинского театра, заставил меня выйти на сцену и показать класс. Это было на праздновании его юбилея, и я не мог отказать другу.

Беседовал Сергей Крон